

произошла, главным образом, оттого, что отец не был приглашен любимой племянницей на свадьбу. И еще потому, что, по мнению Владиславлева, Достоевский в лице Раскольниковского оскорбил русское студенчество. Первая версия вполне правдоподобна. Что же касается второй, очень сомнительно, чтобы убежденный консерватор, противник материалистических новаций, а в будущем – благонамереннейший ректор Петербургского университета толковал об авторе романа в той же тональности, что и не расположенные к нему *прогрессивные* критики. Скорее всего причина была все та же: семейственные попреки. Достоевского обвиняют в том, что, соблазнив редакторством Михаила Михайловича – дабы в его журнале печатать свои сочинения, якобы не принимаемые в других изданиях (это-то «Записки-то из Мертвого дома», которые с руками оторвал бы любой издатель!), он тем самым ввергнул в пучину бедствий семейство брата.

Впрочем, существует еще одно не отмеченное до сих пор указание на причину семейной ссоры. И, как думается, самое капитальное.

В своем женевском дневнике Анна Григорьевна вспоминает о разговоре, который состоялся у нее с будущим мужем в первые дни их знакомства. Упомянув о семействе покойного брата, Достоевский поведал, «как жених, дочь и мать собирали совет, желая отстранить его от дела, а когда он сам отстранился, то мать же пришла проситься, чтобы он ее не оставил, а опять начал бы помогать, как это было и прежде». Из чего следует, что против фактического редактора «Эпохи» был предпринят семейный демарш: жених (Владиславлев), дочь (Мария Михайловна) и мать (Эмилия Федоровна) пытались оттеснить его от руководства журналом. Учитывая те добровольные жертвы (в том числе материальные), которые Достоевский принес для спасения издания брата, это было неблагородно. Если вдове, судя по всему, Достоевский простил этот неразумный «наезд», то к оборотистому жениху у него могла возникнуть стойкая неприязнь. Кстати, неприглашение на свадьбу было скорее всего не причиной, а следствием этого родственно-издательского конфликта.

Достоевский был сильно раздражен против Владиславлева и в одном из писем именуется его «негодяем-мужем». Хотя, казалось бы, ему должны были быть симпатичны воззрения философа-идеалиста, пусть даже и обладавшего, на взгляд В.В. Вересаева, «лицом уездного лабазника». Но особенно глубоко переживает он ссору с племянницей. В рулеточном Гомбурге, играя напропалую, он видит во сне жену «негодяя-мужа», с которой он якобы помирился. Сон оказался в руку: по возвращении Достоевских в Россию отношения были восстановлены.

Неизвестно, посещал ли Достоевский лекции Владиславлева. (На чтениях Вл. Соловьева он, например, присутствовал.) Одни уверяют, что лекции эти «отличались ясностью и отчетливостью изложения». Другие (тот же Вересаев), напротив, констатируют, что читал Михаил Иванович бездарно. «Многоуважаемейший (слог Владиславлева)», – замечает Достоевский в одном из писем, намекая, очевидно, на семинарское происхождение родственника. Тот, кстати, был еще и прижимист. Ныне здравствующий правнук философа со слов своего деда, родного сына М.И. Владиславлева, сообщает семейную байку – как прадед, должный представиться государю, решил сэкономить на лосинах. Заметивший подобное нарушение этикета император Александр III, слегка щипнув ректорские панталоны, интимно шепнул на ухо представляемому: «Почем брал, Михаил Иванович?»

Но уж вовсе не анекдот – капитальное открытие Владиславлева, изложенное им в ученой статье, где он при помощи «психологии» выводит меру почитания и уважения того или иного лица из суммы его доходов. «Хохот перекачивался по всему Петербургу. Студенты справлялись друг у друга, сколько кто получает денег в месяц, и определяли, к кому кто должен питать презрение, к кому уважение и восхищение». То есть кому быть *многоуважаемейшим*: философа подвел слог.